

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

ОЧАГ МОЙ

ВЕЛИКАЯ СУББОТА

I

Мы были здесь в Великую субботу.
Господь во гробе. В небе — только ветер.
А там, внизу, как в древней Иудее,
Пустынный склон, и овцы разбрелись
Без пастуха — пространная долина
Распахнута до самого слиянья
Катуни с Чудей...
Странная тоска
Щемила сердце. Много лет я не был
У древнего святилища, не трогал
Поверхностей, изъеденных морозом,
И тонкой влагой, и палящим жаром,
Но всё ж хранящих в каменных страницах
Такую мощь иных прикосновений,
Что до сих пор на плоскостях, покрытых
То серым мохом, то сетчаткой трещин,
Живут в полёте тени и виденья
Великих предков...

БЕРЯЗЕВ Владимир Алексеевич родился на Кузбассе в 1959 году. Поэт, эссеист, переводчик, публицист. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг "Окоём", "Могила Великого Скифа" и других, а также сборников стихов, книги очерков и эссе. В настоящее время — зам. гл. редактора журнала "Сибирские огни". Секретарь правления Союза писателей России и сопредседатель Ассоциации писателей Сибири. Живёт в Новосибирске.

Сколько тысяч лет
Назад они долбили этот камень,
Чтоб выбить, как молитву и посланье,
Всю эту галерею, хоровод,
Весь этот гороскоп ветхозаветный?..

II

Пустыня пожирала душу мне.
Покинутостью, холодом, прощаньем
Насквозь была пронизана окрестность.
И я уже не верил, что вернусь
Когда-нибудь к работе и веселью,
Стихам, вину, любви и болтовне
О милых пустяках в кругу любезном.

Пустыня настигала, как судьба...

III

А было время, здесь же я изведал
Такую полноту развоплощенья,
Такую силу токов родовых
И в безвременном море растворённость,
Что навсегда утратил эгоизм,
Тщеславный огонь, страхи бездны...
Впрочем,
Есть вещи, о которых невозможно,
Небезопасно даже говорить,
Чтоб не потратиться, не изолгаться...
То давнее — беспошлинно моё,
Души отчизна, поле возрожденья.

IV

Да, да, то было много лет назад,
В другой стране, с другим, полужнакомым,
Невежественным, дерзким гордецом,
Которого переполняло нечто
Незнакомое... Он не мог вместить
Томлений тех, и зова, и величья,
Хотя стремился. Право, даже очень.
Но не сумел, не понял, не достиг.

V

На родину стремишься перед смертью.
Но мир — яйцом пасхальным обернулся,
Что на ладони Господа ютится —
Уж родиной планету мы зовём.
Мы дома. На любом из континентов
Зарыты кости родственников наших.
Всё вертится пасхальное яичко.
Суббота не закончится никак...

VI

Мой ангел, ты, как прежде, за спиной.
Всё веруешь, и разочарованью
Моей души не хочешь уступить.

Я не достоин такой опеки.

Но всё ж, признаюсь, только на тебя
Надеюсь, уповаю, среди здешней
Душевной пустоты.
Уже давно
Я ощутил твоё прикосновение...
Не понимая, кто меня ведёт,
Я шёл с тобой по тропам азиатским.
И вот однажды, здесь, на Калбакташе,
В одной из экспедиций, жарким днём
Я прикорнул у самого подножья
Скалы с иконостасом трёх вселенных,
Где в верхнем мире семь богатырей
Сражаются с медведицей хвостатой,
А в среднем — всё охота, всё любовь:
Погоня, козы, волки да олени,
Полёт стрелы да остриё копья.
А в нижнем, нижнем — тени да личины,
Тамги родов, шаманская тропа...

Я спал на щебне, подложив под щёку
Овальный камень, голубой песчаник,
Чуть тронутый лишайником, нагретый
Июльским солнцем, спал, одолеваем
Истомой странной, будто бы меня
Баюкали невидимые руки,
Спал в центре храма,
Чуть ли не в алтарне,
И был таким покоем переполнен,
Что мой товарищ, кинооператор,
Уж с возделеньем камеру поднявши,
Вдруг засмутился тишины блаженной,
Улыбки неменяемой и слюнки,
Стекающей из уголка морщинки
Загубной...
Он ушёл, не потревожив
Нездешних сновидений. Он ушёл
К реке, чтобы сварить походный ужин,
А я остался, предками храним.

Пока я спал, эпохи и зоны
Промчались, человеческие расы
В горниле войн смешали своё семя,
Пока я спал, и солнце докатилось
До ближнего хребта, пока следил я
Произрастанье мирового древа,
Над древнею долиной собрались,
Подобные ворчанью горных духов,
Тугие фиолетовые тучи,
Пока я спал, Алтай заволокло
Свирепой бурей. По всему пространству,
От Уч-Сумера и до Алтын-Кёля,
Свой чёрный скот Эрлик, подземный демон,
Спеша, погнал бичами длинных молний.
И, словно пыль от стад неисчислимых,
Мрак грозовой покрыл, окутал горы,
И старый тракт, и наш костёр неяркий,
Который наш приятель-археолог

Не разглядел во тьме предсотворенья,
Промчался мимо на своём “УАЗе”,
Двумя лучами щупая тропу.

В святилище, на камне,
В оке бури,
Я спал, не слыша грохота и топа,
Но от случайной капли вдруг очнулся
И, разывая плотные ресницы,
Над скальным козырьком успел заметить
Твою улыбку,
Тихий ангел мой.

* * *

Льна ль с полынью или хлопка простор белоснежный
Вновь отворяешь мановеньем, движеньем одним!
Этим ли жестом очаг мой доньше храним
От одиночества и хаоса мглы порубежной?..

Прах отряхну, воротясь из далёкой дали,
Нас до конца заслоняя от страха, вражды и неволи,
Дверь притворю... Тихо вымолвлю: “Постели
Свежие простыни, чистое-чистое поле”...

* * *

По льду, по льду через Оби просторы,
Вдоль колеи —
Везу беду... И праведны, и скоры
Суды Твои.

Куда бежать? Везде поля пустые
И наст, и снег...
Не услышать слова любви простые
Ужель вовек?!

Не треснет лёд, разломы и торосы —
В иной зиме.
Да о былье былом одни вопросы
В грядущей тьме.